

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

Во французской столице, в доме номер 12 по улице Сорбонны, открыта мемориальная доска: «ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ, русский поэт [1891—1936] жил в этом доме в 1907—1908».

Мемориальная доска с этой надписью и барельефом великого поэта, выполненная по макету французского художника русского происхождения Бориса Лежана, установлена по инициативе французского издательства ИМКА—ПРЕСС, выпускающего книги на русском языке, и парижского Института славяноведения.

Торжественной церемонии открытия доски с участием викария Парижа Жана Тибери, французской и русской общности предшествовал международный симпозиум «Мандельштам и Франция».

В этом доме в Латинском квартале, где Мандельштам снимал комнату, сейчас расположена школа. Неподалеку — университет. А в соседнем здании, доме номер 10 на улице Сорбонны, знаменитый французский поэт Шарль Пегг имел свою книжную лавку и издательство. Хотя ни в статьях, ни в письмах Мандельштама нет упоминания имени Пегги, известно, что их обоих связывало увлечение философом Анри Бергсоном.

Мы вообще очень мало знаем о пребывании Осипа Мандельштама во Франции, — рассказывает в беседе со мной профессор Сорбонны Никита Струве, посвятившей поэту несколько своих работ, — считается, что его

послали в Париж на один учебный год родители, потому что в России будущий поэт занимался политической деятельностью левого направления, а они боялись,

1908 года: «Время провожу так: утром гуляю в Люксембурге. После завтрака устраиваю у себя вечер — т. е. завешиваю окно и топлю камин и в этой обстановке провожу 2—3 часа... Потом — прилив энергии, прогулка, иногда кафе для писания писем, там и обед... После обеда у нас бывает общий разговор, который иногда затягивается до позднего вечера, это милая ко-

влияние Франции на творчество поэта?

— Оно было огромным, таким же, как впоследствии влияние на поэта итальянской поэзии и Данте. С Францией у него были постоянные и многообразные связи, в том числе философская — через Бергсона, которого он знал наизусть. Верлен же и Вийон определили его поэтику. К концу жизни Мандельштам на-

было настоящего поэта Мандельштама: ему тогда было всего 17 лет. В Париже он написал стихи о Финляндии, которые послал своей матери. Как поэт он рождается позднее, уже в 1909 году, а становится самим собой в 1912-м. Тогда он, в частности, написал знаменитый «Нотр-Дам», сам же собор он видел в Париже несколько лет назад:

«И чем внимательней,
твердыня Нотр Дам,
Я изучал твои чудовищные
ребра,
Тем чаще думал я —
из тяжести недоброй
И я когда-нибудь
прекрасное создам».

Сохранилась и фотография, на которой на фоне Нотр-Дама запечатлен Мандельштам, присутствовавший на похоронной процессии французского кардинала.

— В течение всей своей жизни поэт в стихах возвращался к Франции, а в одном из последних писал: «Франция, прошу как милости, жалости твоей и жимолости»...

— Это уже конец, прощание, 1937 год, — завершает наш разговор Никита Струве. — Весь этот год он прощается со всей Европой, прощается с очень многими. А до этого, в московский период, он готовится принести себя в жертву — пишет стихи о Сталине, каких никто никогда не писал, и читает их достаточному количеству людей. Это был свободный выбор поэта в поединке с государством...

ПАРИЖ.

Известия — 1992 — ноябрь — с. 4.
Осип МАНДЕЛЬШТАМ в Париже:

«ЖИВУ Я ЗДЕСЬ ОДИНОКО, НЕ ЗАНИМАЮСЬ НИЧЕМ, КРОМЕ ПОЭЗИИ И МУЗЫКИ»

что это может принести ему неприятности.

И действительно, здесь у Мандельштама возникли совершенно другие интересы. В Национальных архивах удалось найти формуляр, заполненный поэтом для поступления в Сорбонну, на ломаном французском языке. Мы не знаем, какие лекции он посещал, но, несомненно, он ходил на лекции философа Анри Бергсона: они были открытыми и были известны во всей Европе.

Свой обыкновенный парижский день Мандельштам описал в письме к матери от 28 марта

медия. К последнему времени у нас составилось маленькое интернациональное общество из лиц, страстно жаждущих обучиться языку... и происходит невообразимая вакханалия слов, жестов, интонаций под председательством несчастной хозяйки».

В другом письме к своему другу, которое цитировалось на открытии мемориальной доски, Мандельштам сообщал: «Живу я здесь одиноко, не занимаюсь ничем, кроме поэзии и музыки»...

И снова интересуюсь у Н. Струве: каким оказался

звал Вийона «любимец мой кровный»... А в 1924 году его заинтересовали революционные стихи Огюста Барбье.

— Он переводил многих французских поэтов?

— Как ни странно, Мандельштам не переводил ни одного французского поэта XIX века. Попробовал переводить Малларме, но не получилось... Он перевел французский средневековый эпос, но выбирая лишь отдельные места.

— Писал ли он в Париже стихи?

— В 1907—1908 годах еще не